

Заключення. Перестраивая метафизику, Пирс в первую очередь попытался избавиться от догматизма и путаницы, которые, увы, были ей зачастую присущи. Придерживаясь принципа, согласно которому научный метод есть единственный подлинный метод получения знания, Пирс определил «реальность» как то, что было бы открыто бесконечным процессом научного исследования. Эта дефиниция привела к формулировке «принципа фаллибилизма» (погрешимости): приближение к истине возможно только через непрерывное исправление ошибок, улучшение результатов, выдвижение все более совершенных гипотез; в любой данный момент времени наше знание о реальности носит частичный и предположительный характер, оно есть точка в континууме недостоверности и неопределенности.

Чтобы метафизика могла войти в царство знания, или реальности, Пирсу нужен был критерий для различения вопросов, которые разрешимы с помощью научного метода, и тех вопросов, которые с его помощью не могут быть решены. Этот критерий он сформулировал в 1878 г. в знаменитом принципе прагматизма: следует составить представление о том, какие последствия, способные обладать практической значимостью, будет иметь рассматриваемый нами объект. Это представление и станет нашим видением данного объекта. В другой формулировке: чтобы установить значение представления, мы должны обдумать, какие практические последствия по необходимости произойдут, если это представление окажется истинным; сумма этих последствий составит полное значение данного представления. На современном языке принцип прагматизма можно выразить следующим образом: смысл суждения заключается в его логических (или физических) последствиях.

Библиографические ссылки

1. **Дмитриев Т. Ч.** С. Пирс. Начала прагматизма и другие работы / Т. Дмитриев // Логос. – 2000. – №№ 5/6 (26). – С. 156–165.
2. **Peirce Ch. S.** Collected Papers. Vol. 1–6. Ed. by Ch. Hartshorne and P. Weis. – Cambridge, 1931–1935. – Vol. 5.

Надійшла до редколегії 25.12.09

УДК 165.64

А. В. Кулик

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ФИЛОСОФСКИЙ ФИАЛ КАК ЖАНР (ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОЕКТА Ф. БЭКОНА)

Досліджено пропозицію Ф. Бекона трактувати магію в якості практичної філософії. Роблячи спробу реконструювати даний концепт, автор статті ініціює специфічну форму філософської творчості – філософський фіал.

Ключові слова: магія, практична філософія, антропологія, теорія.

© Кулик А. В., 2010

Исследовано предложение Ф. Бэкона трактовать магию в качестве практической философии. Предпринимая попытку реконструировать данный концепт, автор статьи инициирует специфическую форму философского творчества – философский фиал.

Ключевые слова: магия, практическая философия, антропология, теория.

In his article it studies F. Bacon's offer to treat magic as practical Philosophy. Trying to remodel the given concept, the author initiate the specific form of philosophic creativity – the philosophic phial.

Keywords: magic, practical philosophy, anthropology, the theory.

В философии немало незавершенных проектов. Воплощение одних прерывала смерть мыслителя, другим не суждено было осуществиться из-за недоброжелателей, третьи изначально были нежизнеспособны. Есть и такие, что опередили свое время – пока не свершились их сроки, к таким проектам относятся как к диковинным артефактам, чье предназначение туманно, а роль неясна. История рассудит, к какому из вышеназванных пунктов стоит причислить концепт Фрэнсиса Бэкона, о котором пойдет речь в настоящем исследовании. Отметим лишь, что разработанный мыслителем проект учреждения «философской магии» за четыреста лет так никто и не смог реализовать. Мы предпримем попытку извлечь эту старую идею и проверить ее жизнеспособность.

В «Великом разделении наук» Бэкон предлагает учредить две науки в составе «практического естествознания», а именно – механику и магию. Данная дихотомия, по замыслу философа, должна стать воплощением на практическом уровне двух частей теоретического естествознания, а именно – физики и метафизики соответственно. То есть в системе наук Бэкона магия – суть не что иное, как практическая философия [3, р. 374].

Бэкон прекрасно понимал всю неоднозначность такой программы возведения магии в статус науки. В современном ему XVII веке слово «магия» пребывало скомпрометированным, как и в наше время. Мыслитель призывает восстановить «подлинное достоинство» магии [4, с. 215]. По словам Бэкона, то, что профаны именуют данным словом – лишь выродившееся ответвление натуральной магии, а отнюдь не то, что он имеет в виду. Стремясь отмежевать «истинную магию» от ее эрзаца, философ выступает с критикой псевдомагии, отмечая, что последняя подобна «снотворным средствам, что усыпляют разум и даруют ложные надежды».

Итак, в чем же Бэкон усматривает причины, по которым магия может претендовать на роль «практической философии»? Рассмотрим по порядку. Во-первых, почему философ предлагает магию на роль практической науки. Мыслитель отмечает, что магия воплощает теорию в жизнь, будучи направленной на преобразование мира. Бэкон пишет, что он понимает «магию как науку, направляющую познание скрытых форм на свершение удивительных дел, которая, «соединяя активное с пассивным», раскрывает великие тайны природы». Во-вторых, почему он трактует магию в качестве философии. По мнению Бэкона, магия исходит из целостного миропостижения, причем обладает знанием об аксиологической и казуальной упорядоченности мира. Как он отмечает, «в

древности магия считалась возвышенной мудростью, знанием о всеобщей гармонии природы». Отметим эти два момента и продолжим свое исследование.

Философ описывает свой проект так: «Я могу возродить и вновь ввести в оборот неправильно используемое и поруганное имя естественной магии, которое в правильном смысле является не чем иным, как естественной мудростью или естественным благоразумием, взятым в его древнем виде, очищенном от тщеславия и суеверий» [2, с. 91]. Как отмечают Д. Соломон и К. Мартин, этой фразой Бэкон убеждает нас, что «мудрость и благоразумие должны впитать магию и в то же время быть трансформированными ею в свои истинные формы» [5, с. 94].

Кого мы можем назвать из мыслителей, признающих философское достоинство магии? Среди первых философов рассматривали магию в качестве компонента своих систем Пифагор, а также Эмпедокл. Гностики считали магию вершиной философии. Неоплатонизм полагал магию неотъемлемым методом познания. В эпоху Возрождения магию признают философским знанием Мирандола и другие философы, интересующиеся исследованием тайных систем. Новое время открыл наш учредитель научной философской магии Ф. Бэкон. В XIX в. проявляли интерес к магии как разновидности философского знания представители романтизма. В конце XX в. Фейерабенд предпринял попытку доказать, что философия, наука и магия имеют одинаковые права в претензиях на истину. Этот краткий экскурс подтверждает, что магия – пока что маргинальное явление в философском дискурсе. По сути, нам не на что опереться в попытках проверить на жизнеспособность проект Бэкона – ведь никто из мыслителей не оставил после себя сколь-нибудь систематических попыток обосновать права магии как практической философии. Бэкон же наметил лишь несколько ориентиров в построении данной науки, и нам не остается ничего другого, как следовать их скудным указаниям. Прибегнем к помощи философов, рассматривавших близкие вопросы.

Гегель в своем трактате «Наука логики» размещает на первый взгляд парадоксальную фразу. Он пишет, что под теоретическим мышлением следует понимать то, что принято именовать «мистическим». Гегель поясняет – «мистическое, без сомнений, является чем-то тайным, но оно тайное лишь для рассудка и это просто потому, что принципом рассудка является абстрактное тождество, а принципом мистического – конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными лишь в их отдельности и противопоставленности» [1, с. 212]. Итак, с точки зрения немецкого мыслителя, рассудок – ограничен, будучи способным видеть лишь частное и, если мы хотим рассматривать процессы в целокупности, нам необходимо выйти за пределы рассудка в область мистики. Эту способность Гегель, собственно, и именуется истинным Разумом – «Все разумное мы должны вместе с тем называть мистическим, говоря этим лишь то, что оно выходит за границы рассудка, а совсем не то, что оно должно рассматриваться вообще как недоступное мышлению» [1, с. 213]. Напомним, Бэкон, приводя признаки философской магии, отмечал, что эта наука должна быть знанием о «всеобщем». Используя наработки Гегеля, мы видим, что знание о всеобщем неизбежно уходит за пределы ограниченного рассудка.

В первой половине XX в. российский философ Н. Бердяев записал в своей «Философии свободы»: «Скоро настанут времена, когда наука восстановит в

своих правах многие истины алхимии, астрологии, магии, когда реабилитированы будут знания Средневековья и Возрождения». Чем объясняет философ это свое предвидение? Бердяев верит, что вскоре исполнятся сроки и хаос отпавшего от своей сущности бытия начнет процесс возвращения к своему предназначению – Космосу как гармонии единства. Путем воплощения этой сверхзадачи Бердяев видит Творчество, как процесс раскрытия реальности. Нам представляется, что Бердяев (что называл свой подход «магическим идеализмом») данным концептом способен пояснить вторую из упомянутых выше характеристик философской магии как науки, которую дал Фрэнсис Бэкон. Бердяев нам подсказывает, что «направлять познание скрытых форм на свершение удивительных дел, раскрывая великие тайны природы» – это задача, что под силу именно магии.

По всей видимости, дальнейшее продвижение нашего исследования невозможно без попытки наполнить конкретикой теоретические рассуждения. Итак, чем именно должна быть эта самая практическая философия в понимании Бэкона? Ее задачи, формы требуют пояснения.

Вначале остановимся на понятии «практическая философия». Что может быть практическим применением философии? Вероятно, в первую очередь это создание определенной ценностной картины мира. Философия дает возможность нам понять, как нужно относиться к этому миру. В первую очередь именно это должно быть содержанием любой практической философии. Вероятно, Бэкон исходил из подобного убеждения. Магия должна преобразовывать. Но что именно преобразовывать, если мы создаем ценностную картину мира? Вероятно, преобразовывать мир через преобразование нашей ценностной позиции по отношению к нему. Магия как наука призвана преобразовывать нас. Каким образом это возможно? Магия должна располагать некими, метафорически говоря, «эликсирами», что содержат экстракты теоретической философии – этические, аксиологические ценности.

Тут нужна особая форма философского творчества. Магия построена не на рассуждениях, она является их результатом – практическим применением рассуждений, что были осуществлены на теоретическом уровне. Философская магия должна оперировать «эликсирами», которые формируют или же преобразовывают наше отношение к миру, являясь его квинтэссенцией. Такие философские формы, как трактат, диалог – тут не подходят. Магия не дискурсивна. Более близки ее задачам такие формы, как эссе, стихи, притчи, что не строят цепочек доказательств, а выражают истину экспликативным путем. Мы предлагаем объединить эти формы философского творчества при помощи понятия «фиал». Напомним, судя по имеющимся свидетельствам, содержимым фиалов может быть алхимический экстракт, лечебный эликсир, а также священное приношение. В них заточали частичку своей души, чтобы сохранить ее чистоту среди испытаний или же с целью обменять смерть на забвение. В них помещают сны, надежды и воспоминания, желая уберечь их первоначальный смысл и силу чувств, что мы не в силах удержать в себе. Это слово подходит для указанных в нашем исследовании задач.

Попробуем сконструировать несколько таких «фиалов», которые бы претендовали на роль инструментария философской магии. Напомню, слово «фиал» в данном контексте – лишь условность, описывающая форму изложения:

небольшую по объему, но в то же время емкую, содержащую не рассуждения, а лишь их результат. Пусть это будут основополагающие для философии «эликсиры» – квинтэссенции аксиологических, антропологических и герменевтических представлений, которые мы, метафорическим путем и следуя традиции, опишем в виде «книг».

Итак, в терминах «философской магии», экстракт аксиологических представлений может быть представлен таким образом. Книга, выточенная из речного хрустала. Открывая ее, можно услышать небесную музыку дорогих твоему сердцу голосов, а пред мысленным взором предстанут все те события, что даровали тебе счастье. На страницах Хрустальной книги читатель узрит все то, что приносило ему любовь, восторг, радость, привязанность и благодарность. В книге три главы – исполненные желания, воплощенные мечты и осуществленные цели. Эта книга выполнена небольшого размера не столько потому, что бедно ее содержание, сколько для удобства ношения во внутреннем кармане близ сердца.

Антропологическую проблематику можно выразить так. Книга в обложке из белого бархата, на котором тиснением выполнены два слова – «Книга Мудрости». В небольшом предисловии описана старая идея о том, что жизнь – это всего лишь умирание. В основном тексте книги даются наставления о том, как скрасить процесс неумолимого приближения смерти. Автор советует отвлекать себя самыми разнообразными выдумками, упирая на то, что не важно чем себя обмануть, главное – чтобы самообман позволил забыть. Среди предлагаемых рецептов – политика, спорт, карьерный рост, семейные ценности. Есть там и главы о науке и занятии рукоделием, о домоводстве и коллекционировании бабочек. Книга обрывается на полуслове. Автор не успел ее закончить, но, несомненно, он правильно использовал отпущенное ему время.

Основные концепты герменевтики в виде ценностного толкования можно изложить так. Старый фолиант с изображением башни на ветхой обложке. На разорванном титульном листе можно с трудом разобрать лишь часть названия – а именно слово «Непонимание», все остальные слова на этой странице утонули в темных разводах или же оказались сокрыты на недостающих фрагментах. В качестве бумаги для этой книги служили разного рода надежды, что были туго сплетены человеческими нервами. Основное содержание книги темно и неясно. Оно пестрит лакунами и выдержками на иностранных языках. Поясняющие рисунки лишь запутывают читателя, а сноски отсылают к несуществующим источникам. Это коллективный труд. Штат авторов огромен. Объединяет их разрозненные тексты общая судьба – читатели претендовали на роль цензора, соавтора и компилятора, привнося в их содержание что-то свое: исправляя написанные фразы, добавляя не существовавшие ранее в данных текстах слова, меняя знаки препинания. Именно в результате такой деструктивной работы тексты и приобрели свое уже не поддающееся дешифровке содержание, а книга в целом – весьма неприглядный вид. Будучи раскрытым, данный фолиант кровоточит на тех страницах, где непонимание привело к смерти, истекает слезами на листах, посвященных любви, и рассыпается в прах там, где описанным событиям сопутствовало забвение.

Итак, предложенные нами «фиалы» формально отвечают выделенным нами признакам «магии как практической философии». Во-первых, они претендуют

на создание целостной ценностной картины мира путем транспонирования теоретических построений в манифестации «практической философии». Во-вторых, они выражают философские убеждения не дискурсивным, а экспликативным путем. В-третьих, они воплощают философию в жизнь, будучи направленными на преобразование мира путем формирования и преобразования отношения к миру. В-четвертых, они представляют собой примеры целостного миропостижения, отображая знание об аксиологической и казуальной упорядоченности. В-пятых, их форма и содержание претендуют на создание возможности того, чтобы их суть «впитали наши мудрость и благоразумие, будучи трансформированными ею в свои истинные формы».

В то же время у нас нет надежных оснований утверждать, что сконструированное нами понимание «философской магии» отвечает истинному замыслу Бэкона. Философ не оставил сколь-нибудь уверенных свидетельств для характеристики предложенного им проекта. Бэкон не разработал достаточного количества теоретического материала по вопросу «философской магии» для некоей сущностной компаративистики.

Подводя итоги исследования, ответим на тот вопрос, который мы поставили в начале данной статьи: «Может ли быть жизнеспособной «философская магия», предложенная Фрэнсисом Бэконом в качестве практической философии?». Наш ответ – да. Современная философия построена на презумпции плюрализма и поэтому сейчас, пожалуй, то единственное время, когда замысел Бэкона, высказанный в начале XVII в., может быть осуществлен.

Библиографические ссылки

1. Гегель Г. В. Энциклопедия философских наук : в 3 т / Г. В. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – Т. 1. Наука логики.
2. Bacon F. The Advancement of Learning. – NuVision Publications, LLC, 2005. – 208 p.
3. Bacon F. The Great Instauration and the Novum Organum. – Part II – Kessinger Publishing, 1996. – 585 p.
4. Bacon F. The Novum organum // Bacon F. The instauratio magna: Novum organum and associated texts. – Oxford University Press, 2004. – P. 48–448.
5. Solomon J. R., Martin C. G. Francis Bacon and the refiguring of early modern thought. – Ashgate Publishing, Ltd., 2005. – 257 p.

Надійшла до редколегії 14.12.09

УДК 128

В. В. Лобанова

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

МОДЕРНИСТКИЙ ДИСКУРС И ОППОЗИЦИЯ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ» В ТВОРЧЕСТВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

© Лобанова В. В., 2010